Р
К1

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2013

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2013

КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ С П КРАШЕНИННИКОВА
ИНВ № 1204363

ББК 84 (2Рос-рус)6
К18

АЛЬМАНАХ

Составитель и редактор А. А. Смышляев

На обложке – фрагмент живописной картины камчатского художника Александра Мешкова «К вулканам»

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Камчатского края,
Холдинговой компании «Новая книга»
и Камчатского отделения Союза писателей России

© Министерство культуры Камчатского края, 2013
© Холдинговая компания «Новая книга», 2013
© Авторы, 2013

ISBN 978-5-87750-258-1

МОЯ БИОГРАФИЯ

Наше село Знаменское в добрые времена насчитывало без малого триста многолюдных дворов, а теперь, в пору лихолетья, почти опустевшее, привольно раскинулось в соловьиной пойме речки Опочки. С восточной стороны, на взлобке, хмурится дубовый Стражев лес. На западе проходит Ливенский шлях, по которому на Москву рыскала конница свирепых крымчаков, а зоркая стража Московских царей оповещала дымными факелами о грядущей беде, поэтому и лес по сей день зовётся Стражев...

Здесь, в Знаменском, 27 сентября 1935 года я и появился на белый свет. К тому времени в нашей семье уже была старшая сестра Ольга – девочка цыганского обличья. Довоенная жизнь осталась в моей памяти малозаметной. Правда, помнится, хотя и смутно, начало «трудовой деятельности». Не раз наблюдая, как мать к престольным праздникам обмазывает глиной и белит стены хаты, но всякий раз выходящее во двор окошко оставляет почему-то не тронутым. Однажды я решил, так сказать, исправить материнское упущение: улучив подходящий момент, когда побли-зости никого из взрослых не оказалось, старательно залепил оконные стекла свежим коровьим пометом (которого во дворе было в избытке), разумеется, и сам уделался порядочно.

«Андрей, – озабоченно спросила мать у отца, – почему это в комнате темно?» Вышел отец во двор, увидел дело рук моих, взялся за бока: «Иди, посмотри!» – позвал он мать.

«Что ж ты натворил, чертёнок!» – ахнула мать и принялась было искать подходящую хворостину.

«Нельзя, – остановил её отец, – Женька старался помочь...»

И ещё. Поскольку нашу сельскую церковь в тридцатые годы закрыли местные безбожники, разместив там машинно-тракторную станцию (МТС), сельчане крестить детей приглашали батюшку к себе домой. И младшую мою сестру Лиду крестили у нас в хате. На священнике было длинное, до земли, одеяние, и мне казалось, что у него совсем нет ног. И когда он перед иконами творил молитву, я зашёл со стороны Святого угла и всё старался рассмотреть – есть ли у него ноги. Кончилось всё тем, что он попросил мать: «Хозяйка, убери ребёнка».

С высоты прожитых лет начало войны я вижу в день сенокоса.

Луг уже был наполовину покрыт духовитыми рядами вянущей травы и мы, ребятня, сноровисто искали в рядах сладкие ягоды земляники, когда из колхозной конторы прибежал взмыленный посыльный. «Война, мужики... Вот, значит, какие дела...» – глухо проговорил он и непослушными пальцами принялся скручивать цигарку. А Розка – моя собака (в дни оккупации её застрелил полицай), продолжала весело носиться за бабочками... Спустя несколько дней потянулись в райцентр обозы с новобранцами, и впервые заголосили женщины. Тогда мы ещё не знали, что этот день разделит нашу жизнь пополам: по одну сторону останется сенокосное утро, духовитые ряды скошенного сена, тишина, по другую – война, неизбывные страхи и плачи, частые женские плачи. И так будет до самой Победы...

Первая военная осень в наших краях выдалась очень дождливой. Через наше село гнали гурты скота, табуны лошадей (погонщики говорили, что гонят из Черниговской области). Много животных, видимо уставших или больных, оставались на полях. Мы, ребятишки, конечно же не могли упустить такой подходящий момент: регулярно отправлялись туда в надежде поймать себе жеребят, а то и взрослую лошадь. Из нашей затеи ничего путного не вышло, только промокли до последней нитки.

Между тем фронт подкатил и остановился у районного городка Тим, примерно в пятидесяти километрах западнее Знаменского. Тим, кстати, расположен на Средне-Русской возвышенности, и реки, протекающие западнее, впадают в Днепр, восточнее – в Дон. В сорок втором году и сорок третьем, в дни Курской битвы, под Тимом шли кровопролитные бои...

Летом, в конце июля 1942 года, к нам в село пришли немцы. Мы, ребятишки, вскоре почувствовали несвободу: невесть почему нам строжайше запретили ходить на речку (это летом, в разгар купания!), в лес и на луг.

На Октябрьские праздники было приказано никому не выходить из дому. У двоюродного моего брата Василия, на зависть детворе, рос дикий утёнок. Как на грех он возьми и выскочи на улицу из сенец. Васька, конечно, забыв о всяческих запретах, кинулся ловить беглеца. Мальчишку едва не застрелил полицай...

Днями напролёт в сторону Воронежа безостановочно шла немецкая пехота, танки, машины. Ежедневно, перед заходом солн-

ца, туда летели самолёты. Отдельные части почему-то шли со свистом. «Истинный Бог – просвистят они войну!» – украдкой говорили сельчане.

До войны у нас во дворе было не менее десятка овец, много кур, корова, пчелиные ульи. В первые же дни оккупации ничего, кроме петуха и коровы, не осталось. Петух уцелел потому лишь, что прятался на огороде в картофельной ботве.

Оккупация продолжалась до конца января 1943 года, когда однажды морозной ночью в село вошли наши лыжники. Вот это был праздник, великая радость для наших сельчан! А летом началась Курская битва! Фронт проходил от нашего села западнее на 40–50 километров. Больше месяца в той стороне стояло сплошное зарево. Часто через село шли колонны санитарных машин с ранеными солдатами. Мы часто выходили на обочину дороги с нехитрыми гостинцами: кто приносил узелок яблок, другие – десяток яиц, кувшин молока.

В сентябре 1943 года я поступил (мать записала) в первый класс Знаменской семилетней школы. В школу явился с новенькой холщевой сумкой через плечо, где лежал мой завтрак – початок вареной кукурузы. Потом там появится карандаш и тетрадь в косую линейку. В классе пахло вымытыми полами, было свежо и прохладно. На первом же уроке нас заставили выводить в тетрадке палочки (они давались мне с большим трудом), потом разучивали стихотворение:

Если ты порвал подряд книжицу и мячик,
То ребята говорят: «Не аккуратный мальчик».

И хотя этих самых книжиц у ребят и в помине не было, мы старательно зубрили строки стиха. На весь класс, а он насчитывал до 40 мальчишек и девчонок, было семь или восемь букварей. Был и урок военного дела, который вёл военрук Лощинов. Обычно мы нестройно маршировали, разноголосо подпевая:

Готовься в дорогу на долгие годы,
Бери с коммунистов пример.
Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер...

Хотя мы, сельская детвора, в ту пору и слыхом не слыхивали о пионерах, но пели увлечённо. А что касается собственно дороги, то многие и многие из нас навсегда покинут родной корень (часто не по собственной воле) и отправятся путешествовать по просторам Родины чудесной. Но это всё будет потом...

Моя учёба длилась, пока на дворе было тепло и можно было бегать в школу босиком. Едва прихватили морозцы, учёбу пришлось бросить: нет одежонки, нет обуви.

В сорок четвёртом вновь пришлось садиться в первый класс, хотя мои сверстники, кто жил справнее, уже пошли во второй, и только после Победы я, наконец, перешёл во второй класс.

В сорок шестом году была страшная засуха. За всю весну и лето не выпало ни одного дождя. Весна сорок седьмого года выдалась очень трудной. Многие сельчане (и я в том числе) пухли от голода. При этом почему-то испытываешь нестерпимый зуд во всём теле. Во всяком случае, подобное происходило со мною. Вскоре младшую мою сестру Лиду взяла бездетная сестра матери Дарья Захаровна, которая с мужем Павлом Федосеевичем (тоже нашим сельчанином) ещё с довоенных времен жила в Донбассе, где Павел Федосеевич работал на шахте горным мастером. Мы остались втроём: мать, старшая сестра Ольга и я.

Начиная примерно с третьего класса, я заимел мечту: после школы поступить учиться в школу военных пилотов и стать лётчиком-истребителем. Мечте моей не суждено было осуществиться (о чём я до сих пор жалею). В конце сорок восьмого года мою мать посадили в тюрьму, дали пять лет за пресловутые колоски. И не только мать – очень многие женщины Знаменского, чьи мужья не вернулись с войны, и кто всю войну с темна до темна горбился на колхозных полях, оказались в заключении. Примерно через год сестра Ольга тоже уехала в Донбасс, и я остался один в доме. Из всего нашего хозяйства уцелела лишь собака Дамка. Вот с нею и коротал дни и месяцы. Еда – картошка на завтрак, обед и ужин. Хлеба и в помине не было.

В 1951 году, получив паспорт, я уехал из села и поступил в школу ФЗО города Рубежное Ворошиловградской области, которое окончил в пятьдесят втором году по специальности слесаря-сборщика стальных конструкций. Моя трудовая судьба началась в Каменском строительно-монтажном управлении Ростовской об-

ласти. Первая командировка выпала в город Новочеркасск, где наша бригада участвовала в строительстве электродного завода.

Весной пятьдесят третьего года, вскоре после смерти Сталина, мать освободили, и она приехала в город Кременное, где в это время жили её сестра с мужем и две дочери. Кстати город Кременное находится в Ворошиловградской области.

В мае этого же года нашу бригаду направили в Башкирию на строительство нефтеперегонного комбината в город Салават. По пути я заехал повидаться с матерью, которую не видел с 1948 года. За эти годы мать сильно изменилась, на мой тогдашний взгляд: вместо прежней весёлой хохотуньи передо мною стояла суровая женщина, на густо загоревшем лице тревожно светились усталые глаза. Эти глаза, загар и послужили причиной тому, что в первый момент, когда мать обняла меня, я невольно отстранился; мать зашлась в неудержимом плаче. Конечно, после мы никогда с матерью об этом не говорили, но чувствовалось, что она помнит мой жест отстранённости.

Летом 1954 года я поступил работать на шахту «Кременная-Восточная» Ворошиловградской области. В октябре того же года меня призвали на действительную службу. Службу проходил в городе Нарофоминске, в Кантемировской танковой дивизии. Мобилизовавшись, вернулся на прежнее место работы – шахту «Кременная-Восточная». Работу совмещал с учёбой в школе рабочей молодёжи. В 1959 году сдал вступительные экзамены и поступил на очное отделение Рубежанского индустриального техникума на отделение «Горная электромеханика». Техникум окончил в 1963 году. После учёбы работал мастером производственного обучения в Рубежанском ГПТУ (бывшем ФЗО, где я учился в своё время), преподавателем эстетики и обществоведения, а также на Рубежанском химкомбинате.

Уже в техникуме я начал пробовать писать, посещал городское литобъединение. Появились первые публикации в городской газете «Ленинский призыв», в областном альманахе «Когда сердце любит». В 1964 году мои рассказы увидели свет в республиканском (г. Киев) журнале «Радуга». В 1966 году прошёл творческий конкурс и поступил на заочное отделение Литературного института имени Горького (семинар прозы), который окончил в 1972 году.

В 1973 году меня приняли в Союз писателей Украины. Издательством «Донбасс» (г. Донецк) выпущены мои прозаические сборники «Ожидание листвы», «Самая длинная ночь» (по ней я защищал диплом), «Сотвори рассвет», а также – в республиканском издательстве (г. Киев) сборник повестей и рассказов «Возмужание».

В апреле 1975 года приехал на Камчатку, в посёлок Палана, где живу и работаю по сей день. В Дальиздате вышли мои книги «Пролетье», «Час большой тишины», «Лунный ветер», в холдинговой компании «Новая книга» Камчатского края вышла повесть «Рассветы нашего детства» и новеллы и рассказы «Запахи дождей».

Писатель из Паланы Евгений Андреевич Коптев
с женой Клавдией Ивановной, 2012 год